

Начиная с шестнадцатого дня седьмого месяца Гу Сяодуну приходилось вставать ни свет ни заря — в три четверти часа Мао. Сроков у его «программы преобразования в благородного господина» не было. С точки зрения Чжу Ми, этот план начинался сегодня, а закончиться должен был разве что со смертью подопечного.

Сам Чжу Ми поднимался в первую четверть часа Мао. На Гу Сяодуна он не возлагал больших надежд, и когда вошёл в покои, чтобы разбудить соню, то искренне изумился. Мальчишка мало того что уже проснулся, так ещё и умылся, и оделся сам, без посторонней помощи.

Гу Сяодун так и лучился бодростью. Ранний подъём никогда не был для него проблемой — достаточно просто лечь пораньше, а уж засыпать он умел мастерски. Едва завидев Чжу Ми, он с нетерпением вытянул шею и спросил:

— А где мой брат Дэнцин? Брат Чжу, вы же вчера обещали, что сегодня я его увижу!

Чжу Ми тяжело вздохнул:

— Для начала прошу вас не называть меня так. Обращайтесь ко мне просто по имени.

— Тогда, может, звать вас железным стражем? — Гу Сяодун широко развёл руки, показывая размер. — Называть по имени как-то неправильно. Вы ведь взрослый человек, старше меня на-а-амного.

Чжу Ми снова набрал в грудь воздуха. Спорить он не стал — просто смирился с неизбежным, но тут же строго поправил тон юноши:

— Вам нужно полностью изменить манеру речи. Следует придерживаться наставлений из «Ли Цзи»: «В делах будь почтителен, лицом собран, в речах рассудителен». Облик должен быть степенным, поступки — уважительными, а слова — взвешенными. Нельзя вести себя столь легкомысленно.

Гу Сяодун послушно закивал, хотя логика у него оказалась весьма своеобразной:

— Неужели я легкомыслен? Но если я не смогу переучиться, то прослышу ветреником? «Легко» — это ведь как вольный ветер, а «мысль» — свободный полёт. Выходит, обо мне станут говорить как о вольном повесе? Ветренный и беспечный Гу Сяодун?

Чжу Ми на мгновение лишился дара речи и лишь сухо велел ему идти завтракать.

Гу Сяодун попытался сгладить свои интонации и, забавно напустив на себя важный вид, произнёс по-прежнему детским тоном:

— Слушаюсь. А как закончу, вы ведь отведёте меня к брату Дэнцину? Я так по нему соскучился.

За едой покоя тоже не было. Чжу Ми стоял над душой, поправляя его осанку и придираясь к каждой мелочи, от макушки до пят. Впрочем, Гу Сяодун ничуть не обижался. Он послушно и немного неуклюже хлебал кашу, не проронив ни единого зёрнышка.

Чжу Ми решил поинтересоваться его вкусами:

— Есть ли блюда, которые вы не жалуете?

— Вовсе нет, я ем всё подряд, — улыбнулся Гу Сяодун.

Он ведь был целебным человеком, чья целебная кровь исцеляла любые недуги, а значит, и собственное тело его было невосприимчиво к ядам. Бояться ему было абсолютно нечего.

Чжу Ми отнёсся к этому с недоверием:

— Неужели совсем нет ничего, что вам не по вкусу?

— Честное слово! — Гу Сяодун принялся загибать пальцы, тараторя на редкость бойко. — Солёное, пресное, кислое, острое, горькое и даже слегка подкисшее — я всё пробовал, мне всё подходит. Главное, чтобы не подгоревшее и не гнилое. Но мы ведь в княжеском поместье, здесь вряд ли подадут испорченную стряпню, верно? Самое большее — вкус окажется непривычным, но мой язык ко всему притерпится. А если спросите, есть ли у меня любимое блюдо... я как-то об этом не задумывался. Главное — питаться сытно и с пользой для здоровья. Наверное, я просто ещё не пробовал деликатесов, от которых заплясали бы вкусовые сосочки!

Чжу Ми ненадолго умолк.

Обычные люди всегда имеют свои пристрастия в еде. Он вспомнил, как в детстве капризничал Гу Цзиньюй, пока князь и княгиня Чжэньбэй постепенно не «отучили» его от этого, полностью искоренив тягу к чревоугодию. Остальные четверо детей семьи Гу либо уже прошли через подобное воспитание, либо проходили его прямо сейчас.

Гу Сяодуну же подобное «исправление» не требовалось вовсе.

Чжу Ми не знал, радоваться этому или сочувствовать, но решил, что мальчишке просто повезло избежать суровой участи.

Судя по покладистости Гу Сяодуна, исправить манеры его тела было не так уж трудно. Куда сложнее оказалось перестроить его мышление.

А потому Чжу Ми решил зайти с того, что сейчас волновало юношу сильнее всего, — с его привязанности к Чжан Дэнцину.

Не только в доме Гу, но и во всём Западном районе Чанло законы приличия были суровы: правитель и подданный, отец и сын, сослуживцы и братья — всюду пролегала невидимая черта. Благородные и простолюдины не могли стоять на одной ступени.

— Отныне вы — молодой господин Гу, пусть и названный. Чжан Дэнцин же к этой семье никакого отношения не имеет. Вы больше не можете выказывать ему почтение как старшему брату.

Улыбка мгновенно сошла с лица Гу Сяодуна. Он замер, погрузившись в унылые думы.

Чжу Ми не дал ему опомниться:

— И разумеется, он тоже не смеет относиться к вам как к младшему брату.

Договорив, Чжу Ми повернулся к дверям и скомандовал:

— Введите его!

Послышался приближающийся шаг. Среди ровной, размеренной поступи слуг затесался один неровный, чуть шаркающий звук.

Гу Сяодун обернулся. Во главе вереницы слуг и служанок, вошедших в комнату, стоял Чжан Дэнцин, облачённый в простое одеяние слуги.

Чжан Дэнцин вместе с остальными опустился на колени и склонил голову:

— Приветствуем молодого господина. Желаем вам доброго здравия.

Гу Сяодуна словно громом поразило. Он подскочил со стула как ужаленный, но Чжу Ми твёрдой хваткой усадил его обратно.

Наклонившись к уху юноши, Чжу Ми принялся вполголоса наставлять его, как подобает отвечать на подобное приветствие, и тут же заметил, как по щеке Гу Сяодуна покатилась слеза.

«Вот теперь всё как надо» — подумал управляющий.

Весь остаток утра Гу Сяодун ходил мрачнее тучи, напоминая пожухлый, беззащитный росток на ветру. Для Чжу Ми это стало отличным поводом, дабы с удвоенным рвением исправлять каждую его привычку. К счастью, управляющий не был совсем уж безжалостным сухарем и в полдень удалился к себе на короткий отдых.

Выждав момент, Чжан Дэнцин поспешно отослал прочих слуг и ласково взъерошил волосы Гу Сяодуна, пока тот не разревелся в голос:

— Ну что, натерпелся? Соскучился по мне за день?

— Ещё как соскучился! — разрыдался Гу Сяодун и бросился ему на шею. — Братец, давай сбежим отсюда, а?

Чжан Дэнцин хоть и ожидал этих слов, но всё равно почувствовал, как болезненно сжалось сердце. Он мягко погладил названного брата по спине:

— Так и знал, что ты с этого начнёшь, глупыш. Помнишь, как в детстве мы разыгрывали роли князей и полководцев по театральным пьесам? Считай, что мы и сейчас играем в ту же игру. Вся жизнь — подмости, а мы здесь просто поём свои партии. Зато кормят досыта и одевают в шелка. Куда нам бежать? Если вернёмся в цзянху, как я смогу уберечь тебя?

— Но они же издеваются над тобой!

— Не наговаривай на них. Это они меня приютили. Я здесь человек чужой, без роду и племени. Если хочу есть хозяйский хлеб, должен приносить пользу. К тому же посмотри на моё одеяние — это одеяние слуги первого ранга! По меркам здешней прислуги я устроился по самому лучшему знакомству, — Чжан Дэнцин негромко рассмеялся. — Моё присутствие здесь — лишь предлог, чтобы остаться рядом с тобой. На деле всё как прежде: я присматриваю за тобой, ты заботаешься обо мне. Мы по-прежнему есть друг у друга.

Гу Сяодун недоверчиво шмыгнул носом. Чжан Дэнцин принялся уверять его дальше и заговорщицки понизил голос:

— Послушай, Сяодун, вчера управляющий водил меня показывать поместье и обучать здешним порядкам. И угадай, кого я встретил? Твоего названного старшего брата — наследного княжича Гу Пинханя! Помнишь его? Вы ведь пересекались мельком.

Любопытство взяло верх, и Гу Сяодун, вытерев зарёванное лицо рукавом, удивлённо моргнул:

— Да? И что?

— Я поспрашивал окольными путями. Господа в этом доме точно знают, что вас с Гу Цзиньюем поменяли местами. Так что Гу Пинхань и остальные рано или поздно придут с тобой

знакомиться. Только вот этот наследный княжич, прежде чем явиться к тебе, видимо, решил поглядеть, как выглядит «деревенщина» вроде меня. Он вызвал меня к себе и устроил настоящий допрос — точь-в-точь как его отец, князь Чжэньбэй, пару дней назад. Что старший, что младший — нормальных слов не понимают. В каждой фразе двойное дно, тьфу! До чего же утомительные люди.

Он потрепал Гу Сяодуна по голове, а тот послушно ткнулся лбом в его плечо и, забавно сморщив нос, спросил:

— И о чём же он расспрашивал?

— Да так, пустая болтовня. Честно говоря, ума у этого высокородного господина не больше, чем у обывателя, — шутливо отозвался Чжан Дэнцин.

Правда, за спиной названного брата он на миг помрачнел. Наследный княжич расспрашивал об их прежней жизни среди простолюдинов, и весь этот разговор был пропитан высокомерным пренебрежением. Гу Пинхань брезгливо кривился, и Чжан Дэнцин прекрасно понимал: дело было не в нём самом. Наследник презирал Гу Сяодуна, выросшего в неизвестности.

Но чтобы подбодрить Сяодуна и уберечь от лишних тревог, он перевёл всё в шутку, попутно знакомя его с нравами обитателей поместья.

Как оказалось, единственное, что искренне зацепило Гу Пинханя, — это имя «Дэнцин».

Наследник тогда спросил: «Тебя зовут Дэнцин — "ожидающий ясной погоды". Зачем родители дали тебе такое имя? Уж не потому ли, что ты родился в ненастье и они тосковали по солнцу?»

Услышав это нелепое умозаключение, Чжан Дэнцин мысленно усмехнулся — надо же, у этого грозного господина порой проскальзывали детские мысли. Поэтому он ответил ему вполне серьёзно.

— Всё как раз наоборот, господин. В моём родном краю слова "большой" и "ожидать" звучат почти одинаково. Я родился в чудесный, погожий день. Матушка звала меня Сяоцин — Маленьким Ясным Солнышком, а батюшка — Дацин, Большим Солнцем. А потом они решили записать моё имя через иероглиф "ожидать", чтобы на столичном наречии оно звучало изящнее.

Заметив, что Гу Пинхань слушает внимательно, Чжан Дэнцин тогда решил добавить от себя:

— К тому же зачем вообще ждать солнца? Погожих дней в году предостаточно в любое время года, а ненастье всегда проходит быстро.

На это Гу Пинхань лишь бесстрастно обронил: «Вот как? Я никогда об этом не задумывался».

— В общем, — подытожил Чжан Дэнцин, — твой старший братец-наследник производит впечатление напыщенного дурака, который без слуг и шагу ступить не умеет.

Гу Сяодун задумался, припоминая вчерашнего Гу Цзиньюя, прыгнувшего прямо в пруд подобно гордому белому лотосу, и согласился:

— Кажется, Гу Цзиньюй точно такой же!

Чжан Дэнцин рассмеялся:

— Вот именно. Запомни главное: у них есть благородное происхождение и лоск, которых нет у тебя. Но у тебя есть опыт жизни в большом мире, о котором они и помыслить не могут. Твои ранние годы мы опустим, но после семи лет ты исходил полстраны с торговыми караванами. Пусть они сколько угодно твердят о благородстве и низком происхождении, заставляя тебя кланяться, не принимай это близко к сердцу. Прочитать десять тысяч свитков — дело достойное, но пройти десять тысяч ли — ничуть не хуже.

У Гу Сяодуна будто камень с души упал.

Чжан Дэнцин продолжил развивать мысль:

— Мы выросли в цзянху, а там главный закон — справедливость и верность долгу. Им плевать на богатство и чины. Теперь мы в доме Гу. Пока мы лишь у порога императорского двора, но кто знает, не затянет ли нас внутрь со временем. Здешние правила и законы намертво завязаны на сословиях. На самом деле всё это разделение на господ и слуг — лишь способ сильного угнетать слабого. Тебя сейчас заставляют зубрить эти правила. Что ж, выучи их, чтобы защитить себя, но никогда не верь в них по-настоящему.

Чжан Дэнцин сам удивился собственным речам — надо же, какие заумные вещи слетают у него с языка! Неужто права поговорка: «Апельсин, посаженный к югу от реки Хуай, цветёт и плодоносит, а к северу — дичает»? Если так, то он приспособливался к новым условиям прямо-таки с пугающей скоростью.

Он взглянул на Гу Сяодуна. Тот сидел с крайне сосредоточенным видом, усердно переваривая услышанное.

Спустя мгновение юноша серьёзно кивнул:

— Понимаю... Братец, ты хочешь сказать, что здесь нужно приспособливаться к обстоятельствам, но не терять себя. Не навлекать на себя гнев сильных мира сего, но и не пресмыкаться перед ними. Не обижать тех, кто слабее, и не тешить своё тщеславие за их счёт. А главное — беречь себя.

Чжан Дэнцин так и застыл с открытым ртом. Надо же, этот недотёпа ухватил самую суть! Похоже, зря он за него так переживал.

Он закивал как заведённый:

— Именно! Всё так, малый. Умница! С виду ты вроде простак простаком, а соображаешь в нужный момент быстрее молнии!

Гу Сяодун грустно опустил уголки губ:

— Это ведь из-за нашего нынешнего положения. Здесь господ раз-два и обчёлся, а слуг — целая толпа. Они нарочно приставили тебя ко мне слугой. И ты просто не хочешь, чтобы я рассорился с хозяевами, пытаюсь защитить тебя.

Чжан Дэнцин мягко улыбнулся, почувствовав внезапную гордость, словно отец, чей ребёнок наконец-то вырос и поумнел. Что ж, им обоим пришлось приспособливаться к суровым ветрам севера. Сила была на стороне хозяев поместья, и спорить с ней глупо. Покорность и тайный бунт — лишь инструменты. Цель у них одна: выжить, уберечь душу от ран, а тело от побоев, и тогда эти тёмные времена непременно сменятся светлыми.

Когда управляющий Чжу Ми вернулся после полуденного отдыха, он ожидал застать Гу Сяодуна всё в том же подавленном состоянии. Однако юноша вновь так и лучился бодростью, словно утреннее солнце.

Он сидел с безупречно прямой спиной, и хоть веки его всё ещё слегка припухли от слёз, взгляд оставался ясным и живым:

— Управляющий Чжу, чем займёмся теперь? Снова будем разбирать сословия, заучивать правила и отрабатывать поклоны?

Чжу Ми на мгновение замолчал, а затем велел служанке принести комплект одежды для верховой езды:

— В клане Гу почитают как кисть, так и клинок. Утром вы упражнялись в словесности, теперь же пора размять кости. Вы одного возраста с Четвёртым молодым господином Гу Цзиньюем, однако сложены куда слабее него. Занятия боевыми искусствами требуют особого усердия.

Гу Сяодун удивлённо моргнул и покосился на Чжан Дэнцина. Мальчишка вырос в цзянху, и дух вольного люда пустил в нём прочные корни. Пусть он и казался хрупким с виду, но неженкой точно не был. Физические упражнения привлекали его куда больше унылого зубрения трактатов.

Переодевшись, они покинули дворик. Чжу Ми с непроницаемым лицом довёл его до тренировочного поля в Восточном лесном саду. Прежде чем войти, управляющий долго и занудно вещал о верховой езде как об одном из шести благородных искусств мужа, и лишь по окончании речи соизволил отвести юношу к конюшням.

Чжу Ми в глубине души надеялся, что спеси у мальчишки поубавится, если он хоть раз потерпит неудачу:

— Вам доводилось седлать коня?

— Пожалуй, да.

— Что значит «пожалуй»?

— Ну, я ездил на быках, мулах и ослах. Даже на свинье как-то раз катался, — с абсолютной уверенностью заявил Гу Сяодун. — Какая разница? Со зверьём я ладить умею, так что и с лошадью как-нибудь договорюсь.

Чжу Ми онемел:

—...

Ему безумно захотелось спросить, каково это — скакать верхом на свинье, но он вовремя подавил этот недостойный порыв. Сдержался.

Встряхнувшись, управляющий принялся строго перечислять правила обращения с лошадьми. Гу Сяодун прилежно кивал, но взгляд его то и дело косился в сторону стойл. Наконец он заметил красивого гнедо-чалого скакуна:

— О, поглядите на того коня! Пятна на его боках так похожи на листья лотоса. Какая статная птица! Можно мне прокатиться на нём?

— Какие ещё узоры? — Чжу Ми проследил за направлением его пальца.

Приглядевшись к скакуну, он присмотрелся к необычному окрасу шерсти. От брюха до самого хребта тянулись удивительные пятна: коричневые подпалины у основания действительно походили на увядшие осенние стебли лотоса, а более светлые, сизо-серые отметины на спине напоминали сочные, раскидистые листья. Лошадь и впрямь выглядела так, словно на сухой ветке распустился пышный лотосовый ковёр.

Удивительно, но за столько лет никто в поместье, включая самого хозяина жеребца, не замечал этого сходства.

— Так мне можно на него сесть? — с надеждой спросил юноша.

Чжу Ми стряхнул наваждение и, взглянув на сияющего ожиданиями Гу Сяодуна, покачал головой:

— Нет. Это скакун Четвёртого молодого господина. Чистокровный рысак, которого он лично вырастил и объездил. Лошади благородных кровей своенравны, этот зверь попросту не подпустит к себе чужака. Я подберу вам кого-нибудь поспокойнее.

— Жаль, — вздохнул Гу Сяодун. — Ну ладно, кататься не буду. Но погладить-то его можно?

— Попробуйте. Только берегите голову, а то откусит паклю.

Гу Сяодун радостно угукнул и вприпрыжку побежал к стойлу. Он долго строил коню смешные гримасы, а затем, уловив момент, ловко хлопнул его по лбу и с весёлым смехом припустил обратно.

— Да уж, гонору у него хоть отбавляй! Вы абсолютно правы, — запыхавшись, произнёс Гу Сяодун. — Он действительно чем-то напоминает Гу Цзиньюя. Смотрит на меня так, словно перед ним круглый дурак. А причёску мою портить не стал, наверное, потому, что счёл ниже своего достоинства марать зубы о недотёпу.

Чжу Ми вновь предпочёл промолчать.

В итоге Гу Сяодуну вывели смирную белую кобылку. Повозившись с ней немного и ласково погладив по морде, он с трудом взобрался в седло. Лошадка оказалась невероятно послушной: она даже хвостом не взмахнула, лишь тихо переступила с копыта на копыто, когда седок устроился поудобнее.

Гу Сяодун довольно прильнул к шее кобылы:

— Господин управляющий, я впервые еду верхом. Может, мне тоже дать ей имя?

Это «тоже» окончательно лишило Чжу Ми желания спорить:

— Для начала попробуйте просто удержаться в седле при шаге.

— Решено, назову её Сяопао — Легкий бег! — Гу Сяодун крепко ухватился за поводья. — Ну же, Сяопао, вперёд! Помчали к самому горизонту! Только не вздумай меня сбросить!

Кобылка послушно фыркнула, приподняла копыто и неторопливо потрусила вперёд — и впрямь

оправдывая своё прозвище.

Пусть ход был небыстрым, Гу Сяодуна так и распирало от восторга. Встречный ветер путался в белой гриве и весело свистел между пальцами. Юноше казалось, будто он летит сквозь тучи на крыльях свободы.

Не сдерживаясь, он звонко и заливисто закричал от переполнивших его чувств. Когда на душе радостно — смейся во весь голос, когда горько — плачь навзрыд, доверяя слёзы сырой земле. Небо над головой, твердь под ногами — и он посреди этого огромного, прекрасного мира.

Однако безудержный смех потревожил покой вышины. В небе над ними внезапно пронеслась стремительная чёрная тень. Гу Сяодун сперва принял её за обычную ласточку, но в одно мгновение тень спикировала вниз и закружила прямо над его головой, угрожающе растопырив мощные когтищи размером с добрую чашу.

— Какая огромная птица! — так и ахнул Гу Сяодун.

Он в панике попытался развернуть лошадь, но послушная Сяопао продолжала всё так же невозмутимо трусить мелким шагом.

К счастью, крылатый хищник нападать не собирался. Он лишь кружил в вышине, то взмывая к облакам, то опускаясь чуть ниже. Страх Гу Сяодуна быстро сменился любопытством. В этот момент к нему торопливо подскочил Чжу Ми.

— Это кречет, домашний любимец Четвёртого молодого господина Гу Цзиньюя, — пояснил управляющий, натягивая поводья. — Хотя у него и грозный вид, людей без причины он не трогает. Сейчас хозяина нет в поместье, вот птица и развлекается в Восточном лесном саду. Не бойтесь, она просто разминает крылья.

Гу Сяодун во все глаза следил за полётом кречета. Рассмотреть птицу как следует у него не получалось — в памяти отпечатались лишь грозные, устрашающего вида когти.

— А сколько всего таких птиц в усадьбе? — с любопытством спросил он. — У остальных господ тоже есть подобные кречеты?

Чжу Ми качнул головой:

— Пока приручить удалось лишь этого. Его Светлость князь Чжэньбэй дарил по кречету каждому из своих детей — ведь обучение охотничьих птиц считается обязательным искусством в клане Гу. Однако вторая барышня проявила чрезмерную мягкость, и дикий сокол искусал её, так что затею пришлось бросить. Наследный княжич, напротив, действовал слишком свирепо и попросту заморил своего кречета до смерти. Пятый молодой господин ещё слишком мал, но вряд ли у него достанет терпения преуспеть в этом деле.

— Надо же, а Четвёртый молодой господин, выходит, умеет абсолютно всё, — восхитился Гу Сяодун. — Но вы упомянули только четверых детей. А как же старшая сестра? Старшая молодая госпожа, которая давно вышла замуж?

Бесстрастное лицо Чжу Ми дрогнуло. На безупречной маске благонаправного слуги проступили тонкие, едва заметные трещины, грозящие вот-вот расколоть её на части.

Словно спасая управляющего от ответа, паривший в вышине кречет внезапно кувыркнулся в воздухе, сложил крылья и камнем ринулся вниз. Он нёсся на Гу Сяодуна подобно падающей звезде. И в самый последний миг, когда юноша уже приготовился к неминуемому столкновению, птица резко раскрыла огромные крылья, подняв тучу пыли, и наотмашь мазнула его перьями по лицу.

Гу Сяодун истошно завопил, зажмурившись от поднявшегося резкого ветра с едким запахом перьев. Птица взмыла обратно, а юноша, испуганный и злой, обиженно надул щёки. Не зная, как выместить злость на наглom пернатом, он мысленно обрушился на его хозяина:

— И в кого только этот кречет такой вредный? Гу Цзиньюя здесь нет, а его птица всё равно издевается надо мной!

Чжу Ми лишь молча прикрыл глаза рукой:

—...

<http://bllate.org/book/20609/2109155>